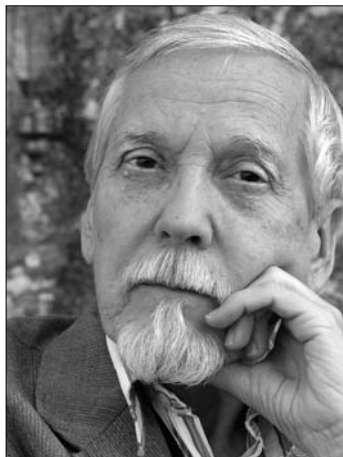

НИКОЛАЙ КОКУХИН

МОЛОДЦЫ

РАССКАЗ

Машутка сидела у окна, и ей было всё видно: сначала город, потом пошли поля, перелески, овраги, мосты через маленькие и большие речки, сёла, деревни, козы, которых пасла маленькая старушка, аисты на водонапорной башне — наглядный урок географии, и учебника раскрывать не надо.

Батюшка между тем прочитал акафист преподобному Феодосию Кавказскому, к которому все ехали в паломничество. Потом объявил:

— Через полтора часа — Минеральные Воды! Там нас и ждёт преподобный Феодосий!

Вдруг автобус замедлил ход и остановился. Водитель открыл переднюю дверь, и в салон вошёл смуглый черноволосый человек в защитной военной форме, в руках у него был автомат.

— Выхадыте! — грубо, с заметным акцентом закричал он. — Бийстро!

— В чём дело? — поднявшись с переднего места, спросил батюшка. — Зачем выходить?

— Нэ разговарывать! Бийстро выхадыть!

Водитель открыл вторую дверь, и паломники один за другим потянулись из автобуса, досадуя на непредвиденную остановку.

Их было трое, с грубыми невежественными лицами, заросшими жёсткой щетиной. Цепкими злыми глазами осматривали выходящих людей, каждый из них держал автомат наизготовку.

— Что это значит? — обратился к ним священник. — Разве сейчас военное время?

КОКУХИН Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Закончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг. Лауреат премии "Имперская культура" имени Эдуарда Володина. Живёт в Москве.

Все три кавказца, как по команде, навели на него свои автоматы, показывая, что не намерены разговаривать с ним и выяснять отношения. Один из кавказцев, тот, что заходил в автобус, заорал на священника, сделав шаг по направлению к нему:

— Молчать! Прыстрелю, как собаку!

Батюшка побледнел, сильно сжав кулаки опущенных вдоль тела рук; видимо, ему стоило больших усилий сдержаться и не прекословить бандитам. Паломники притихли, увидев, что дело принимает нештучный оборот.

— Стройся в одну шырэнгу! — вновь заорал главарь. — Бийстро!

Он, а следом за ним и его сообщники ринулись на людей, ударяя кого кулаком, кого дулом автомата, а кого и пиная тяжёлым солдатским ботинком. Мама схватила Машутку за руку и почти бегом оттащила в сторону.

— Шырэнга! Шырэнга! — орали бандиты.

За каких-нибудь две-три минуты им удалось выстроить всех в одну цепочку, которая растянулась по безлюдному шоссе. Никто не знал, для чего их выстроили и что их ждёт. Кроме священника, в группе было ещё несколько мужчин, но их в общей массе как-то не стало видно. Мама крепко держала Машутку за руку.

— Сымай кресты! — заорал главарь и в первую очередь подошёл к священнику, лягнул затвором автомата и прицелился прямо в лицо: — Сымай — прыстрелю!

Лицо батюшки напряглось, как будто ему предстояло прыгнуть с большой высоты. Он обеими руками взялся за светлый, с матовым оттенком наперсный крест.

— Я пастырь и не могу без креста, — преодолевая отвращение к бандиту, сказал он.

— Можешь! Сымай!

— Зачем он тебе?

— Я хочу его растоптать!

— Он предназначен не для этого!

— Нет, как раз для этого! Сымай!

— Не сниму!

— Тогда прощайся с жизнью! — Бандит вскинул автомат и выстрелил в священника; очередь прошла в одном сантиметре над головой, сбив скуфейку. Батюшка от неожиданности и от страха присел, но креста из рук не выпустил.

— Счытаю до трёх! — рывкнул бандит. — И стреляю прямо в лоб! Раз! — Он чуть помедлил. — Два! — Он поднял дуло автомата, целясь в лоб нашему батюшке.

Тот не выдержал и дрожащими руками снял с себя крест.

— Бросай на зэмлю! — приказал бандит.

Батюшка бросил.

— Топчи!

Батюшка наступил на крест ботинком.

— Вот так! Хороши прымер! Все, все сымайте свои кресты! Иначе всех перестреляем!

Он дал длинную очередь поверх голов. Два его сообщника между тем терзали других паломников, угрозой и грубой силой принуждая их снимать с себя нательные кресты. Сняли все женщины, сняли все мужчины, сняли все подростки. И по приказу бандитов растоптали их. Это произошло в течение каких-нибудь двух-трёх минут.

Остались только три человека, которые не сняли кресты: мама, Машутка и Серёжа, юноша лет пятнадцати, все они стояли в самом конце шеренги, и до них просто ещё не дошла очередь. Один из бандитов, расправившись с очередным паломником, подошёл к маме:

— Сымай крест!

— Ни за что!

В словах мамы слышалась такая уверенность, такая сила, такая убежденность в своей правоте, что бандит опешил. Он сделал шаг назад и внимательно посмотрел на маму. Мама, не дрогнув, встретила его взгляд. Он секунду

помедлил, продолжая изучать мамино лицо, крепче сжал цевьё автомата, а потом шагнул к Машутке:

— Ну, а ты? Сымешь?

— Нет! — смело ответила девочка, глядя прямо в глаза бандита. — Я не отрекусь от Христа! Потому что я люблю Его!

Бандит был поражён, услышав ответ. Он даже не нашёлся, что сказать, только хмыкнул и, сделав ещё один шаг, обратился к Серёже:

— А ты?

— Как Машутка, так и я! — звонким голосом воскликнул Сережа.

Все другие паломники напряжённо ждали, что же будет.

Главарь закинул автомат на ремне за спину, то же самое сделали и его сообщники.

— Дураки! — громко крикнул главарь. — Мы пошутили!

Он захохотал. Следом за ним захохотали его сообщники.

— А эти трое — молодцы! — Главарь кивнул в сторону Машутки, её мамы и Серёжи. — Молодцы! — повторил он.

Кавказцы, громко стуча ботинками по асфальту, весело направились к своему джипу, вскочили в него, джип сорвался с места и помчался по шоссе, стремительно удаляясь.